

морис бланшо
всеvyšний

Морис Бланшо

Всевышний

«Издательство Ивана Лимбаха»

1948

УДК 821.133.1-4 "20" = 161.1 = 03.133.1
ББК 84.3 (4Фра) 6-021.83.3

Бланшо М.

Всевышний / М. Бланшо — «Издательство Ивана Лимбаха»,
1948

ISBN 978-5-89059-507-2

«Всевышний» (1948) — самое масштабное и в то же время загадочное произведение одного из крупнейших мыслителей XX века Мориса Бланшо (1907–2003). В этом, последнем, романе (далее он отказался от большой формы ради более сжатых умозрительных повестей) критики склонны усматривать самые разные философские темы (конец истории и победа Абсолютного знания, смерть Бога, экзистенциальная озабоченность Dasein'a, смерть как гарант литературного слова) и литературные парадигмы (политический памфлет, апокалиптическая дистопия, кафкианская притча), но все эти продолжающиеся по сей день построения с очевидностью оказываются лишь редуциями принципиально неразложимого на умозрительные конструкты текста. Неожиданную злободневность роману, написанному на волне потрясений, вызванных Второй мировой войной, придает тот факт, что действие в нем разворачивается на фоне социальных катаклизмов, спровоцированных в идеально стабильном тоталитарном государстве чудовищной эпидемией, которую мы сегодня назвали бы пандемией.

УДК 821.133.1-4 "20" = 161.1 = 03.133.1
ББК 84.3 (4Фра) 6-021.83.3

ISBN 978-5-89059-507-2

© Бланшо М., 1948

© Издательство Ивана Лимбаха, 1948

Содержание

I	9
II	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Морис Бланшо Всевышний

Фото на обложке: Ник Теплов

© Éditions Gallimard, Paris, 1948

© В. Е. Лапицкий, перевод, 2023

© Н. А. Теплов, оформление обложки, 2023

© Издательство Ивана Лимбаха, 2023

* * *

Программа содействия издательскому
делу «Пушкин» Французского института
при Посольстве Франции в России

Programme d'aide à la publication
« Pouchkine » de l'Institut français près
l'Ambassade de France en Russie

морис бланшо ВСЕВЫШНИЙ

Перевод с французского
Виктора Лапицкого

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИВАНА ЛИМБАХА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ | 2023

maurice blanchot
le très-haut

ÉDITIONS GALLIMARD
PARIS | 1948

«Я для вас – ловушка. Мне не стоит вам все рассказывать, чем честнее я буду, тем сильнее вас обману, заманю своей искренностью».

«Умоляю, поймите: все, что к вам от меня приходит, для вас – ложь, ибо я – сама истина».

I

Я был не один, я был как все. Такую формулу разве забудешь?

Во время отпуска по болезни я ходил гулять по центральным кварталам. До чего красивый город, говорил я себе. Спускаясь в метро, я с кем-то столкнулся, и он грубо на меня заорал. «Вам меня не запугать», – крикнул я в ответ. Его кулак вылетел с поразительной резвостью, я покатился кубарем. Кругом было полно народа. Он тщетно пытался затеряться в толпе. Я слышал, как он яростно протестует: «Это он меня толкнул, оставьте меня в покое!» Мне не было больно, но моя шляпа закатилась в лужу, я, не иначе, был бледен, меня била дрожь. (Я отходил после болезни. Мне сказали: никаких потрясений.) Из суতোлки возник полицейский и спокойно предложил нам проследовать за ним. Мы поднимались по лестнице, отделенные друг от друга целой группкой. Он тоже был бледен, даже мертвенно-бледен. В полицейском участке его гнев вырвался наружу.

– Все очень просто, – перебивая его, сказал полицейский. – Он разозлился на этого господина и заехал ему кулаком в подбородок.

– Вы будете подавать жалобу? – спросил меня участковый.

– Можно я задам пару вопросов моему... этому человеку?

Я подошел и всмотрелся в него.

– Я хотел бы знать, кто вы.

– Какое вам дело?

– Вы женаты? У вас есть дети? Нет, мне хочется спросить о другом. Когда вы меня ударили, вы чувствовали, что должны это сделать, таков был долг: я бросил вам вызов. Теперь вы сожалеете об этом, потому что знаете, что я – такой же человек, как и вы.

– Как я? Мне от этого поплохело бы!

– Как вы, да, именно как вы. На худой конец, вы можете меня избить. Но убить меня, меня уничтожить – вы пойдете на это?

Я подступил к нему вплотную.

– Если я не такой, как вы, почему вы меня не растопчете?

Он неловко отшатнулся. Поднялся гомон. Участковый схватил меня за рукав. «Но это же... одержимый», – крикнул он. Полицейский потянул меня прочь. Выходя, я видел застывшие, холодные лица. Напавший смотрел на меня с ухмылкой, но лицо его было мертвенно-бледным.

Я знал, что такое иметь семью. Порой у меня не было об этом и мысли, я работал, приносил всем пользу, мы все были близки друг к другу. Но стоило вдруг чему-то случиться – и я мог обернуться назад. В приемной клиники меня ожидали мать и сестра. До чего жалкая приемная! Кресла, диваны, ковры, пианино и холодное освещение, постоянный полумрак. И однако же, больница была вполне современной. Но оставалась проблема окружающей обстановки, тишины: мне это объяснил врач. Я ощущал неловкость. Я не видел свою мать уже несколько лет. Я чувствовал, что она меня рассматривает.

– Ты неважно выглядишь.

Она спросила, почему их оповестили с таким опозданием.

– Я написал вам, как только смог. У меня была очень высокая температура, ничего, кроме жара. Ждали других симптомов, но они так и не появились. Вероятно, я бредил. По сути, мне не было плохо. Скорее теперь я чувствую себя усталым и обессиленным.

– Ты живешь в слишком плохих условиях. Твое жилье напоминает могилу. Почему бы тебе не вернуться домой?

– Мое жилье? Ну да, жилье на многое влияет. Вы виделись с врачом?

– Нет, он уже ушел, но мы поговорили с медсестрой.

– Я должен вернуться на работу. Я не могу оставаться вне общественной жизни. В отделе меня подменяют. Но мне недостает работы.

Обе всматривались в меня.

– Звучит смешно, я знаю. У меня такой незначительный пост. Но так ли это важно? Я должен продолжать свое дело.

Моя мать пробормотала что-то вроде: «Только от тебя зависит получить должность получше». Тут на меня накатило мучительное чувство: мы оба лгали. Мы даже не лгали, хуже того. Я говорил то, что следовало, но внезапно оказался выброшенным из текущего мгновения. Мне представилось, что все это могло происходить в другое время, тысячи лет тому назад, как будто время раскрылось и я провалился в его брешь. Мать сделалась откровенно неприятной. Я был сбит с толку, но в то же время лучше понимал, почему она казалась такой отстраненной, почему я на протяжении лет перестал ее видеть, почему... Все это повелось с давних пор. Теперь моя мать была кем-то из былых времен, величественной личностью, способной подвигнуть меня на совершенно безумные поступки. Это-то и есть семья. Возврат времен до закона, крик, пришедшие из прошлого грубые слова. Я посмотрел на мать, она вглядывалась в меня в явном замешательстве.

– Возвращайтесь к себе, – сказал я. – До завтра.

– Постой, что на тебя нашло? Мы же только пришли.

Она заплакала. Ее слезы усугубляли мое недомогание. Я извинился.

– Ты стал таким безучастным, – пробормотала она, – таким чужим.

– Да нет. Это жизнь заставляет так думать. Нужно работать, справляться изо дня в день.

Отдаваясь всем, отдаляешься от своих.

– Так возвращайся выздоравливать домой.

– Может быть.

– Ты сильно похудел. Меня беспокоит твоя болезнь. Ты не заметил, как она начинается?

Тебе уже нездоровилось?

Я смотрел на мать, ничего не отвечая.

– Ладно, мама, – сухим тоном сказала Луиза. – Не мучай его.

В полдень я отправился перекусить в маленький ресторанчик на соседней с мэрией улице. Столики были расставлены друг напротив друга вдоль очень узкого зала. За отсутствием свободных, я присел за кем-то уже занятым.

– Что нового, с тех пор как меня не было? – поинтересовался я у официантки. – Меню, во всяком случае, ничуть не изменилось.

– Да, вас несколько дней не было видно. Были в отпуске?

– Нет, болел.

Она поморщилась.

– Простите, – обратился я к своему соседу, – я вас несколько раз уже замечал, вы здесь завсегдатай. Работаете неподалеку?

– Не совсем. – Он мгновение изучал меня. – Несколько лет назад я работал продавцом в магазине в этом квартале. Потом сменил район, но по-прежнему часто сюда прихожу.

Вокруг стоял шум и гам, предметы сталкивались друг с другом, ложки скреблись по доньшкам тарелок, жидкости лились в стаканы и бокалы. Прямо передо мной две женщины переговаривались из-за соседних столиков. «Она шпионит за мной, меня выслеживает». Я четко расслышал эти слова. Я вяло жевал пищу.

– Еда, правда, так себе...

Он скручивал сигарету.

– Недорого, да и порции большие.

На принесенной мне тарелке высилась горка овощей и большой кусок вареного мяса.

– Все, что надо, на месте, – сказал я, тыкая вилкой в мясо. – А результат куда не годится.

– Ну-ну! Вечером жди хороший овощной суп. – Он продолжал непомерно расхваливать ресторан. – А вы? – спросил он. – Где вы работаете?

Это был довольно мелкий, весьма ухоженный мужчина. В его суждениях сквозила самоуверенность. «Поговорите с ним начистоту, – посоветовала женщина напротив меня. – Ну нет, я больше не скажу ему ни слова».

– Я работаю в мэрии.

– Чиновник? В этом есть свои преимущества.

Он хотел что-то добавить. Но женщина вдруг расплакалась, поспешно поднялась и прошла вглубь зала.

– Что там такое? – спросил я у официантки. Та, ничего не ответив, забрала у меня тарелку и придвинула куцее пирожное. Казалось, она говорит: «Что вам от меня надо? Это меня не касается».

– Она работает в швейной мастерской. Думаю, не поладила со смотрительницей.

– А вы, вы-то хорошо ладите с начальством?

Официантка пожала плечами, улыбнулась.

– Лучше некуда, – сказала она, удаляясь.

Мой сосед слушал все это с вниманием, но, как только мы остались одни, погрузился в чтение газеты. Вернулась женщина – со спокойным, блестящим лицом.

– Какие новости?

На протянутой им странице я прочитал следующие заголовки: *Женщина случайно выпала с шестого этажа. Новые распоряжки служб коммунальной гигиены. Еще один пожар в западном округе* (как раз мой). *Наплыв...* Меня охватило нетерпение, своего рода горячка.

– Вы уже прочли про происшествие: на Центральной улице женщина выпала из окна?..

– Да, прочел.

– И как, по-вашему, это несчастный случай, самоубийство?

– Ничего об этом не знаю. Если верить заголовку, несчастный случай.

– Но, – живо вмешался я, – самоубийство – это тоже несчастный случай. Прочтите эту историю. По свидетельству медиков, женщина была не вполне здорова. Она страдала от переутомления, и инспектор ее учреждения предписал ей отпуск. Заметьте-ка: отпуск. Со стороны представителей дирекции ошибок не было. Как только служащий подает признаки усталости, врач рекомендует ему покой, прописывает лекарства, система функционирует лучше некуда. Но оказывается, что больная испытывает головокружение, ей нужен свежий воздух. Она подходит к окну, и ей становится дурно. Итак, что происходит? Почему она падает? Почему падает именно с той стороны, откуда выпасть труднее и опаснее всего? И потом, может быть, она сознательно бросилась в пустоту, потому что... потому что чувствовала себя больной, потому что ей было стыдно, что она больше не работает, откуда я знаю? Можно надумать все это и много чего еще. В конечном счете кто несет за это ответственность? Автор статьи намекает, что врач не до конца исполнил свой долг, что ему следовало бы отправить пациентку в больницу.

– Ну и? – бросил человек, который, облокотившись на стол напротив меня, пристально в меня всматривался.

– Ну, все ясно.

– И что же вам ясно?

– Не знаю, – сказал я, снова ощущая легкую усталость. – Вы меня только что осудили за критику. Вы полагаете, что критиковать никто не должен?

– Я? Вас осудил?

– По поводу ресторана.

– Странный вы человек. Я всего лишь сказал, что этот ресторан не так плох, что он не хуже других. Мне нет никакого дела до этого заведения.

– Но, – жадно настаивал я, – критиковать? Ну да, это вам не по нраву. Критиковать без разбора – вы считаете, что это ведет к неразберихе, к беспорядку, что сомнение заражает умы, что это нездоровая, отсталая практика. В рамках своей профессии вы не прочь покритиковать, но перед правомочными органами, следуя предписанным методам. Вы обозлились на меня за то, что я громогласно заявил, что в этом ресторане все делается абы как, как обозлились и на женщину, когда она пожаловалась на смотрительницу. Не так ли?

Я присмотрелся к нему: у меня сложилось впечатление, что мои, пусть и высказанные вполголоса, объяснения не пришлись ко двору.

– Извините меня. Я глубоко все это чувствую. И не осуждаю вашу точку зрения. Но, видите ли, вот свидетельство этой статьи. Автор не сказал: тут некого винить. Напротив, он не колеблясь кого-то обвиняет, будет проведено расследование, виновный понесет наказание. Я только это и имел в виду.

Мужчина вновь взял газету и внимательно в нее вчитался. Потом снова сложил.

– Вы вольны критиковать, сколько вам заблагорассудится. Лично мне до этого нет дела. Не желаете почитать еще? – добавил он, протягивая мне газету. Встал, подозвал официантку. – Я не хуже других способен видеть, что идет не так, – сказал он, насупившись. – И тоже могу говорить об этом прямо. Но я не жалуясь перед кем попало – безответственным образом, среди безответственных людей. В мире хватает легковеров.

Он сделал рукой знак, словно говоря: хватит об этом. Официантка вернула ему сдачу. «Мы увидим вас сегодня вечером? – спросила она. – Да, конечно; до вечера. Вот, возьмите, дарю вам эту газету». В свою очередь попросил счет и я. Вокруг по-прежнему было много народу. Клиенты, покорные и пассивные, терпеливо ждали, обступив столики. Официантка все не шла. «Девушка!» – крикнул я. Она прошла мимо с таким видом, будто не слышала. «Ну и дыра!» – сказал я во весь голос и отправился платить к стойке.

Вернувшись домой, я обнаружил, что у двери меня поджидает незнакомый мне человек.

– Мне очень хотелось с вами познакомиться, – поспешно произнес он. – Я слышал, как о вас отзываются в самых лестных выражениях. К тому же я ваш ближайший сосед. Был бы счастлив наладить с вами наилучшие отношения.

Я посмотрел на него и ничего не ответил.

– Вы, кажется, болели?

– Да.

Он молча наблюдал за мной. Он был очень высок, с необычайно массивным лицом.

– Я узнал об этом от консьержа. Вселяясь, я опасался, что вас побеспокою, но он сообщил, что вы лечитесь в клинике. Вы совсем поправились?

– Совсем.

– Здоровье – странная штука. Я сам, как вы можете видеть, крепок от природы. По сути, я никогда не болел и очень силен. И все же в какие-то дни мне не хочется вставать, я не хочу ничего делать, я даже не сплю. Начинает казаться, что кровь перестала командовать мною, и я дожидаюсь, чтобы она соблаговолила вновь раздать свои приказы. У вас тут довольно тесно, – заметил он, разглядывая комнату, где мы находились, а затем, за застекленной дверью, вторую, из которых, очевидно, и состояла вся моя квартира.

– Я холост, и мне этого хватает.

Он рассмеялся.

– Извините, – сказал он. – Вы так выразительно это произнесли. Как я полагаю, вы живете довольно уединенно. И не слишком любите видеться с людьми?

Я не сводил с него взгляда, рассматривал меня и он.

– Возможно, – произнес я спокойным голосом. – Иначе говоря, я всех охотно вижу, у меня нет предпочтений, личные отношения кажутся мне бесполезными.

– Надо же, вы так думаете?

Он замер в молчании, положив руки на колени, спиной к окну: точь-в-точь плохо отесанная глыба, вырубленная прямо в склоне горы.

– Вы чиновник?

– Служащий в отделе записи актов гражданского состояния.

– И какую именно работу вы выполняете?

– Конторскую, естественно.

– И... она вам подходит?

– Она мне очень даже подходит.

– Несколько дней назад я совершил бестактный поступок, – внезапно произнес он. – Вы шли по проспекту, это было, кажется, позавчера. Я оказался позади вас, я знал, кто вы такой. Я внимательно за вами наблюдал.

– За мной, наблюдали? Но почему же?

– Почему? На самом деле это, наверное, прозвучит грубовато. Но я знал, что вы мой сосед. Я был осведомлен о вашем положении. Во всем этом нет ничего дурного. И я направился за вами следом. Вы быстро шли по мостовой, не оглядываясь по сторонам. Вероятно, возвращались с работы?

– Я делаю это каждый день, в один и тот же час. Все мои вечера схожи.

– В тот вечер было довольно темно. Вы не помните, как какой-то человек?..

– Да, и что?

– Он подошел к вам, не так ли?

Мы уставились друг на друга: я видел его прикованные ко мне глаза, наполовину любопытные, наполовину одобряющие; потом они утратили всякое выражение.

– Это был попрошайка, – произнес я.

– Действительно, мне показалось, что вы дали ему денег.

– Вы видели и это? Вы в самом деле наблюдали за мной совсем близко.

– Да, приношу свои извинения.

– Послушайте, если вас интересует этот случай, могу сообщить вам и другие детали.

– Прошу вас, оставим это. Любопытство завело меня слишком далеко.

– Позвольте, эта история показалась вам странной. Иначе с чего бы вы пришли о ней поговорить? Быть может, хотите знать, с какими словами ко мне обратился этот человек? Увы, с самыми заурядными. Он сказал ровно то, что обычно говорят в подобных случаях. Что касается меня, я мог бы, конечно, отправить его в агентство или спросить, почему он бросил работу. Мне следовало бы потребовать отчета. Но я ничего такого не сделал. Он получил свои деньги, ничего более.

Я уловил на его лице мимолетное выражение, как будто он хотел прикрыть его черты каким-то смутным чувством.

– Хотите, чтобы я описал вам этого человека со всей точностью? Как вы, наверное, заметили, он был неплохо одет, на нем была добротная кожаная куртка. Так и было, к моему сожалению. Будь он в рванье, мой поступок, очевидно, стал бы более понятен.

– Ну почему же? Он кажется мне вполне естественным.

– Не знаю. Возможно, – сказал я, пристально на него глядя, – истории вроде этой складываются из множества частей. Мне представляется, что некоторые из тех, кто останавливает прохожих и просит вспомоществования, на самом деле нуждаются далеко не в той степени, как это преподносят. Но они и не стремятся эксплуатировать щедрость общества. Может статься, у них совсем иная цель: например, создать впечатление, что все идет не самым лучшим образом, что система, несмотря на свои все более и более мелкие сети, все еще пропускает немало пла-

чевных и прискорбных случаев или что для некоторых работа уже более невозможна. Почему? Дело тут не в здоровье, не в доброй воле, не в убеждениях. Они хотят и могут – и тем не менее не могут. Все это наводит на размышления.

Он рассматривал меня с заинтересованным видом, я чувствовал, что мое лицо должно казаться ему искаженным, мрачным.

– Вы полагаете, что, как чиновник, я чувствую себя обязанным, из лояльности, защищать официальные взгляды? Я вообще ничего не обязан. Как и все, я совершенно свободен. А впрочем, мое мнение ничего не стоит, это всего лишь аллегория, я в это не верю.

– Но вы все же дали этому попрошайке денег?

– Да, ну и что с того? Я сделал то, что доставило мне удовольствие. Я был напуган, вот в чем правда. Был смущен. Чтобы прервать объяснения, я подал ему эту мелкую сумму. Нужно ведь принимать в расчет и личные чувства.

– Вы легко возбудимы, не так ли?

– Если бы я отказал, я должен был бы предложить ему встать на учет в специальном агентстве или расспросить подробнее о причинах его затруднений. Мне пришлось бы попытаться его убедить. В чем? Это же абсурдно. Пойдя у него на поводу, я закрыл дело с минимальными потерями.

Облокотившись на мой письменный стол, он безмолвно меня рассматривал. Тут я заметил, насколько меня впечатляет его лицо, кажется непохожим на остальные. Оно виделось слишком красочным, с чуть ли не красными щеками, но при этом местами и слишком белесым: лоб был бел как бумага, уши тоже. В его выражении присутствовало что-то властное, неприятно повелительное, такая ни на что не обращающая внимания беззастенчивость. И вдруг я прочел в нем также и недоверчивость, изворотливый и несуразный ум, и это делало подозрительным его безмерное спокойствие.

– Не обижайтесь, – сказал он, – но вы кажетесь мне не таким, как другие. Вы молоды, я заведомо много старше вас. Так что могу сказать вам, хотя обычно от подобных замечаний воздерживаются... Я был поражен... не вашей ли манерой говорить, или вашими идеями, или какими-то вашими жестами? Извините, моя откровенность становится нелепой. Вы не иностранец?

Я покачал головой.

– Я раньше был врачом, мне свойственно классифицировать людей. В противоположность вам, я не ищу изоощренных объяснений. Впрочем, если разобраться, никому нет дела до теорий или учений. Вам уже говорили про меня?

Я покачал головой.

– Я достаточно долго прожил за границей. Вы знаете, что это такое: иные обычаи, вместо одного едят другое; совсем другие пейзажи, по крайней мере до определенной степени, поскольку все большие города, естественно, друг другу под стать. И еще язык... словом, всего не перечислишь. Короче говоря, все иное. И от страны к стране все всегда достаточно разное. Тем не менее, если исключить чувство потерянности и схожие с ним ощущения, очень быстро осознаешь, что пересечение границ мало что значит и зарубежья попросту не существует. В полной мере чувствуешь, что страна, которую ты покинул, простирается и на все остальные, что ее поверхность покрывает и другие, в тысячу раз бóльшие, что она – в то же время и всё остальное. И если это ощущает путешественник, то с еще большим основанием чувствует коренной житель, который превращает свой город в центр, эквивалент всего мира, и довольствуется смутными грезами о чем-то ином.

Он прервался и на мгновение остановил на мне свои маленькие пристальные глаза – слишком мелкие, заметил я с неловкостью, для столь монументального лица.

– Не думаю, что стоит прибегать к фантастическим толкованиям, чтобы разобраться с подобными банальностями. Иным кажется, будто они усвоили все на свете. Это пьянящее впечатление, но что это, по сути, значит? Просто так видится ушлым теоретикам.

– Почему вы считаете, что я отличаюсь от других?

– Нет, вы не так уж отличаетесь. Вы запутались в общих идеях, и у вас идет кругом голова. Вы смутно ощущаете, что эти идеи, возможно, – ничто, но что останется, если они рухнут? Пустота, и потому они ничем быть никак не могут; они, стало быть, – это всё, и вы задыхаетесь. Вы знаете, – сказал он с наивным цинизмом, – что вам случается разговаривать на ходу? Вы шевелите губами, даже делаете какие-то жесты. Можно подумать, что вы ни на секунду не хотите прерывать нить афоризмов и максим. В своей основе направление вашего ума сформировано общественными функциями!

В это мгновение, и я это предчувствовал, в нашем разговоре словно что-то порвалось; неважно, что говорил мой собеседник, я слушал не его, а нечто совсем иное, и все же то, что он говорил, не могло слишком уж отличаться от того, что, мне казалось, я слышу. Я сделал усилие, чтобы смотреть только на него. Он тщательно изучал комнату.

– У вас много книг, – сказал он, – вы любите читать? – Я следил за движением его глаз, которые, казалось, готовы были вращаться, как крохотные колесики. Он поднялся с места и прочел несколько названий. – У меня нет времени на чтение, – сказал он, вновь садясь. Он долго, может быть машинально, в меня вглядывался. – За рубежом я многое изучал, а также писал.

– Вы были журналистом?

– Да, печатался в некоторых газетах. – Он добавил: – Я вернулся в эту страну совсем недавно. Я из так называемой эмиграции, хотя подобное слово уже мало что значит. С тех пор как я перестал быть врачом, я занимался самыми разными вещами.

Я сделал еще одно усилие.

– Вы были врачом? И отказались от этой профессии?

– Меня отстранили.

Мои глаза шарили по его костюму, рукам; затем я выглянул в окно и уловил мрачный, невероятно мрачный массив проспекта.

– Меня перевели в запас, – продолжал он спокойным тоном.

Я слышал, как вопит радио у соседей. С этажа на этаж с необоримой силой разносилось неистовое, крикливое пение, настоящий коллективный голос.

– Как вижу, я вас удивил, – внезапно улыбнувшись, сказал он. – Быть может, и в самом деле необычно говорить: меня уволили, я потерял свое место. Так не принято. Впрочем, я был не настоящим врачом, всего лишь ассистентом, и был связан со многими учреждениями. По сути дела, я только прошел стажировку, этот вид деятельности мне не подходил.

– Вы много путешествовали, – с трудом выдавил я.

– Да. И да и нет. Я пожил за границей, но там не перемещался. Жил в гостиничном номере.

– Но... На каком основании вы там пребывали?

– На каком основании? – Его взгляд застыл на мне. – Я думал, что уже донес до вас, – сказал он холодным голосом. – Я ввязался в государственные дела. И в некоторый момент вынужден был покинуть страну.

– Этого не может быть! Что вы хотите сказать? Почему мне это рассказываете?

– Успокойтесь, – сказал он, тоже вставая. – Что в этом такого уж необычного? Полагаю, вы человек лояльный, я могу вам доверять.

– О чем вы?

– Я здесь на законном основании. Вы можете не беспокоиться. Со мной все по закону, – настаивал он.

Я чувствовал, что он возвышается совсем рядом, и оперся о книжные полки.

– Речь идет об истории, не имеющей никакого значения и никаких последствий. Я не совершил ничего постыдного, уверяю вас. Меня не преследовали. Я отправился в изгнание по своей воле, поскольку счел, что так для меня будет лучше, и хотел попробовать разобраться в некоторых вещах. В настоящий момент у меня есть должность, я работаю. Вам достаточно этих разъяснений?

– Но зачем рассказывать мне об этом? – проговорил я вполголоса.

– Вы меня спросили. Рано или поздно вы бы узнали все это и рассердились на мою скрытность. Меня зовут Пьер Буккс.

– Буккс, – сказал я. – И по этой-то причине вы и покинули свой пост?

– Да... в общем-то, да. Впрочем, повторяю, я не годился для того, чтобы заниматься большими в подобных условиях. Я очень быстро понял, что не могу оставаться заодно со всем этим.

– Вы одиноки? У вас есть семья?

– Нет, у меня нет семьи. Знаете, я далеко не молод, у меня уже нет родителей. За границей я женился, но моя жена умерла. Я женился на ней в Базеле. Я жил тогда совсем один. У большинства моих сотоварищей по изгнанию была профессия или какое-то занятие. После ее смерти я решительно взялся за работу; мне стало ясно, что даже если я, собрав все силы воедино, сумею изменить всего лишь что-то одно, сдвину одну-единственную соломинку, это не будет бесполезным. И быть может, тем самым мне удастся сделать много больше.

Он открыл дверь и переждал несколько мгновений.

– Вы уходите?

Он не пошевелился.

– Судя по всему, вам от моих слов не по себе. Не подумайте, что это в моем обыкновении – разглагольствовать налево и направо. Меня захлестнула симпатия. Мне кажется, как я вам уже говорил, что в вас есть что-то совершенно особое, то есть не обязательно в данный момент, может стать, ему еще предстоит родиться. Я знаю, что в этом городе бесполезно обращаться с речью к кому бы то ни было. Нечего сказать, нечему научиться. Это и называют городом. С вами, напротив, меня тут же потянуло поговорить. И пошел следом за вами. Короче, вбил вас себе в голову. Но, само собой, если эти отношения вам докучают, я не буду настаивать. Тот факт, что мы соседи, можно не принимать во внимание.

Когда он ушел, я, к своему удивлению, испытал чувство необыкновенного отвращения. Меня не оставляло ощущение, будто произошла какая-то постыдная сцена. И тем не менее мне хотелось вновь его увидеть. Я подвел итог словами: ну и комедиант!

На следующий день Луиза пришла навести в квартире порядок. Я слышал, как она подметает, рыщет вокруг. Она сворачивала ковер, двигала табуреты, переворачивала стулья. «Что будем делать? Не хочешь сходить в кино?» Я взял газету, уселся на кровать. «Оставь же наконец, ты нервируешь меня своей уборкой». Она принялась разглаживать одеяла, у меня возникло было желание схватить ее за руку и вытащить на прогулку, но я сдержался. «Что сказала после встречи маменька? Ну же, рассказывай». – «Да она ничего особенного не говорила».

Едва оказавшись на улице, я пожалел, что вышел. Было тепло, влажно. Метро выбросило нас на площади О., где я вдохнул воздух, сладобренный дымом и шумом. Гвалт стоял невообразимый. «Что за гам! – крикнул я ей». – «Суббота, все отправились за покупками». Я подхватил ее под руку и увлек на боковую улочку. Там было значительно меньше народу: вся толпа проходила в нескольких шагах от нас, прямо перед нашими глазами.

– Окажи мне услугу, – сказал я. – Опиши в деталях все, что ты видишь.

– Что?

– Ну да, по сути, что ты видишь?

Мы стояли какое-то время, рассматривая неспешно дефилирующих по бульвару людей. Иногда какая-нибудь девица отделялась от сутолоки и проскальзывала к витринам магазинов. Приближалась к ним безвольно, скупыми движениями, как по принуждению, на мгновение замирала там, а потом впопыхах, неверным шагом, спешила снова затеряться в толпе.

– Ты действительно хочешь пойти в кино? – спросил я Луизу.

Кафе было набито битком. Царило праздничное настроение, каждый казался чрезмерно возбужденным, каждого, казалось, лихорадило. Луиза выбрала мороженое, попробовала его, отодвинула. «Что, невкусное?» Она улыбнулась. Мимо нашего столика прошел продавец газет, предлагая полуразвернутый выпуск. «Любопытно, – заметил я, – еще один пожар». Посетители следили за теми, кто приходил и уходил, со страстной, почти болезненной серьезностью. Они ничего не говорили, и тем не менее стоял оглушительный шум, сумятица голосов, криков, то расстроенных, то вновь созвучных музыкальных инструментов; вопли долетали даже из недр заведения – там, судя по всему, вспыхнула свара между официантами и метрдотелями.

– Итак, дома меня вовсе обсуждают. Не могла бы ты слово в слово пересказать их разговоры – за столом, например?

– Разговоры? Маменька хочет, чтобы ты вернулся. Но ты же знаешь об этом, она тебе говорила.

– А ты, тебе это будет приятно?

– Я думаю, рано или поздно пойдут споры.

– Споры?

Загрохотала музыка. Играл женский оркестр, крупные, сильные женщины в белых блузках с красными вышивками. Они исполняли вступительную пьесу, шумную и диковатую; при каждом ударе тарелок вопили, обжигали голоса. Я почувствовал усталость. Все вокруг оцепенело. Когда Луиза открыла сумочку, я подумал, что она ищет губную помаду, но в это мгновение заметил по ее лицу, что она, как говорится, не накрашена. Я видел ее глаза, губы, смотрел на нее в упор.

– Как ты плохо одета, бедная моя Луиза. Почему мать не купит тебе другое платье? У тебя такой вид, будто тебе тридцать.

Она распахнула плащ и скользнула взглядом по черной ткани своего платья, грязной и поблекшей.

– Что происходит? Теперь я наконец понимаю: меня весь день смущало это впечатление. Я не мог на тебя толком взглянуть, у меня возникало ощущение чего-то неприятного, мучительного. Почему тебя одевают как нищенку?

Она пристально смотрела на меня с чуть ли не презрительным видом.

– Ты преувеличиваешь, – сказала она.

– Мне кажется, ты выглядишь как-то странно. Ты не больна? Ты меня в чем-то винишь? Ты тут, а мы ни о чем не говорим.

– Мы видимся не обязательно для того, чтобы поговорить, – сухо бросила она.

Я хотел сказать ей о том, что все ее поведение пронизывала унижительная сдержанность. В ее взгляде на меня читалась напускная праведность, словно я вел себя неподобающим образом. И это ее старило, начинало казаться, что она принадлежит другой эпохе. Она выглядела так, будто ее время прошло, она хотела заставить смотреть в прошлое и меня. Подозвав девочку с корзиной цветов, я купил для Луизы букетик фиалок.

– Лучше бы мы пошли в кино, – заметил я, когда мы выходили.

Я проснулся разбитым. Воскресенье – жуткий день, подумал я. Постучав, вошла консьержка. По ее взгляду я понял, что она не одобряет мой внешний вид, беспорядок в комнате, все еще закрытые ставни. В двух герметически закупоренных судках она принесла мне завтрак.

– Я открою?

Она отворила окно. Я был раздет, чувствовал себя грязным, с растрепанными волосами, с едва разлепляющимися веками.

– Вот так он спит! – сказала она с досадой.

Она, вероятно, какое-то время понаблюдала за мной, прежде чем сложить мою одежду и придвинуть стул с подносом поближе к дивану. Измотанный, я лежал пластом.

– Вам бы лучше прогуляться на свежем воздухе. Хотя бы попробуйте поесть.

Когда она уже выходила в коридор, я ее окликнул.

– Сегодня утром что, было какое-то шествие?

В полусне мне слышался безбрежный гул толпы, возгласы, далекая музыка, перезвон колоколов. Эти звуки не были отголосками с улицы, а доносились по радио откуда-то по соседству.

– Ну да, отмечали годовщину... – Она назвала мне дату.

Задумавшись об этой церемонии, я четко представил себе ее основные образы: тут и там совершенно пустые улицы, закрытые лавки, целая часть города погружена в тишину – и, напротив, в центре шумная толпа, прижатые друг к другу тела, переминающиеся с ноги на ногу люди, глаза, ожесточенно устремленные на другую толпу, ту, что торжественно выступает с плакатами и транспарантами как воплощенная уверенность, что в жизни не может быть ничего лучше, чем этот момент всеобщего спокойствия.

– Мне так нравятся эти церемонии, – сказал я. – Все утро их было слышно по радио. Если бы я чувствовал себя лучше, ни одну не пропустил бы.

– Мне они тоже нравятся, – сказала она.

– Заметьте, что есть и другие интересные поводы собраться вместе. Для многих воскресенье – прекрасная возможность приобщиться к спорту: люди встречаются, воодушевляются, все дружно кричат; можно ли их в чем-то упрекнуть? Такие моменты исполнены совершенства.

– Спорт – дело хорошее, – сказала она.

– Да, таков наш долг: воспитать сильное юношество. Но и кино тоже здоровое удовольствие. По сути, хороши все сборища.

У нее вырвалось что-то вроде смешка, и она опустила голову. Засмеялся и я. «В чем дело?»

– Но вы-то нечасто выходите.

Я взглянул на нее, меня вдруг охватило желание подробно объяснить ей, как я воспринимаю вещи. Я чувствовал, что она меня поймет, это была простая женщина, сильная и молодая. Мы с ней были одного поля ягоды. Но она сказала:

– Виной всему ваше плохое здоровье.

– Спасибо, мне все лучше и лучше. Вы знаете, я холостяк, но вопрос не в этом. Я не более одинок, чем кто-то другой, и живу отнюдь не в одиночестве. Я участвую во всем, что происходит, мои мысли принадлежат всем. Чтобы быть добропорядочным гражданином, мне не нужно жениться или участвовать в сборищах.

– Ох! Я не хотела вас обидеть, – поспешно произнесла она. – Все в нашем доме вами не нахвалится. Все знают, как вы сознательны и трудолюбивы.

Я молча посмотрел на нее.

– Да, я сознателен, но этого все еще мало: так хотелось бы ни на миг не забывать, что в счет и мельчайшие впечатления, ничтожнейшие слова! К тому же я слишком часто болею.

Спустя какое-то время я услышал, как закрывается дверь. Я подумал, что останусь один на весь день, со всем этим шумом толпы, спортивными репортажами над головой, буду рассматривать деревья на бульваре, посплю у себя в кресле. Мысль о сне вызвала во мне странное воспоминание. На какой-то миг я вновь увидел клинику, медсестру. Я вспомнил, что был погружен там в глубокое оцепенение, меня пробуждал малейший пустяк, я знал, что перед этим не спал, был убежден, что во сне присутствует некая комедия, иллюзия, и к тому же

искушение: я ни на мгновение себя не терял – вот что утверждали мои бред и горячка, и я повторял это, ибо, несмотря ни на что, надо себя защищать. Эта мысль вернулась ко мне в тот миг и меня не оставляла. Я не должен был об этом думать: я пересчитывал квадраты на двери, разглядывал стол. Впрочем, была ли это мысль? Я откупорил еду и поел.

Ближе к вечеру из-за стенки стали доноситься звуки. Начала постанывать музыка из граммофона. Я различал поскрипывание паркета, неопределенное, без ритма, расхаживание толпы, топчущейся, казалось, где-то в глубинах подземелья. Время от времени пробивался крик и на него откликались нескончаемые смешки. В продолжение нескольких часов я вслушивался в этот гам, но, когда стемнело, накинул домашний халат и отправился на кухню. Не включая электричества, при свете из комнат напротив, выпил стакан воды. Беспорядок – хлам на столе, запах несвежей пищи – камнем лег мне на сердце. Я медленно направился по коридору и, узнав чуть дальше по левую сторону дверь квартиры Буккса, повернул направо, к той стенке, из-за которой, как из какого-то могильника или места пыток, просачивалась музыка.

Я громко постучал в дверь. Спустя несколько мгновений вместо молодой женщины, которую я ожидал увидеть, дверь открыл какой-то парень, без пиджака, с блестящими волосами и круглым, возможно, раскрасневшимся лицом. Сразу за прихожей все было залито светом. Музыка внезапно прекратилась.

– Я бы хотел поговорить с хозяйкой.

– Что вам угодно?

– Я живу в этом доме, я неважно себя чувствую. Этот шум...

В свою очередь показалась светловолосая женщина.

– Извините, что вас беспокою, – произнес я, уставившись на нее.

– Мы слишком шумим?

Свет падал на нее сзади, и все же вокруг ее лица расходилось своего рода свечение, которое объяснялось цветом ее лица и волос, нечто лучистое и мертвенно-бледное. На ней было свободное домашнее платье, довольно элегантное, но, как мне показалось, поношенное и сшитое из недорогой материи.

– Сегодня воскресенье, – сказал мужчина. – Сейчас девять часов. Мы имеем право слушать музыку.

– Сейчас девять? Извините меня.

– Но разве вы не говорили, что больны? – спросила она.

Тут она зажгла в прихожей свет.

– Болен? Да нет, я был нездоров и еще неважно себя чувствую, попытался было поспать после обеда и услышал отголоски вашего маленького праздника. Я думал, у вас полно народа. Раз вы одни, мне не надо было приходиться.

Мужчина обернулся к женщине, и его внешний вид говорил: но в чем дело? что за тип! Она на секунду посмотрела на него.

– Это неважно, – машинально проговорила она. – Мы как раз собираемся идти. Вы сможете спокойно отдыхать.

Я продолжал ее рассматривать: на свету ее лицо казалось костистым и несколько вульгарным, но кожа соблазняла здоровьем, юностью, жизнью.

– Но не уходите из-за меня.

– Да ладно, все в порядке, – сказал через мгновение мужчина. – Доброго вам здоровья.

Я побрел по коридору. Зайдя к себе, зажег во всех комнатах свет. Должно быть, мне хотелось написать отчет об этом дне, как, впрочем, и обо всей своей жизни: отчет, то есть самый банальный дневник. Все люди в одинаковой степени верны закону... о! эта мысль пьянила меня. Каждый, казалось, действовал сугубо на свой лад, каждый совершал непонятные поступки – и тем не менее вокруг этих скрытых жизней распространялся ореол света: не было никого, кто бы не рассматривал любого другого как надежду, как изумление и не устремлялся

к нему осознанным шагом. Что же такое тогда, говорил я себе, это самое государство? Оно пронизывает меня насквозь, я чувствую, как оно пребывает во всем, что я делаю. И ко мне приходила уверенность, что достаточно записать час за часом комментарии к своим поступкам, чтобы обнаружить в них расцвет высшей истины, той, что активно обращалась среди всех нас и которую общественная жизнь без конца вновь пускала в ход, прослеживала, снова поглощала, отбрасывала в навязчивой и продуманной игре.

II

Я встал ни свет ни заря. Я был усталым и нервным. Всю ночь свистел ветер, чисто осенний ветер; содрогание стекол не давало мне спать.

Продолжал свистеть ветер, дрожали стекла и на лестнице. Я догнал свою соседку, она тоже спускалась вниз.

– Позвольте чуть-чуть пройти с вами. Я хочу сказать вам пару слов.

Снаружи ветер оказался столь неистов, что подчас приходилось останавливаться и, повернувшись спиной, пятиться ему навстречу. Ее волосы были перехвачены шарфом.

– Что вы хотите сказать?

– Тем вечером с моей стороны это было так грубо. Всю вторую половину дня меня оглушала музыка. Я представлял себе веселую встречу, и это мне скорее нравилось: были слышны звуки шагов, взрывы смеха, и все это в нескольких метрах, прямо за стенкой. Но внезапно мои нервы оказались на пределе.

– Оставьте, этот случай не стоит выеденного яйца.

– Да, это не столь важно.

Мы шли бок о бок, теперь под защитой деревьев. В конце бульвара показалась станция метро.

– Вы работаете на площади у мэрии? Может быть, знаете, я тоже работаю в этом квартале. Я часто замечал вас в мастерской.

Она не ответила. Вокруг нас все спешили, торопились и мы.

– Я все же хотел бы вас поблагодарить. Вы могли встретить меня куда как хуже. Когда сосед заявляется, чтобы сказать: вы слишком шумите, едва ли хочется его сочувственно выслушивать.

– Неужто мы так уж хорошо вас приняли?

– Да, конечно. По крайней мере, мне кажется, вы. Доказательство тому – вернувшись к себе, я был в восторге. Мне казалось замечательным, что отношения между людьми бывают такими легкими, такими наполненными. Только подумайте, все это на грани безумия: я стучусь к вам в дверь, вы меня не знаете, даже не ведаете о моем существовании. И несмотря на это, прекрасно понимаете причины, по которым я так поступил, вы их принимаете и воздаете им должное, сколь бы неприятным это ни могло вам показаться.

– Между соседями это в порядке вещей!

– Послушайте, я отлично знаю, что вы были столь любезны со мной вовсе не потому, что замечали меня раньше или внезапно сочли симпатичным. Я для вас невесть кто, кто угодно, какой-то там сосед. Нет, меня как раз и восхитило, что мне не нужна была особая рекомендация. Я не представлял для вас никакого интереса, а вы тем не менее меня уважили. Не кажется ли вам поразительным, что мы можем вот так понимать друг друга? Я говорю с вами, вы мне отвечаете; не исключено, что я докучаю вам, но мы разговариваем, словно нас ничто не разделяет, словно у нас общая сущность. Я уверен, вы же понимаете, о чем я.

– Вы... вы энтузиаст. Впрочем, я не понимаю, к чему весь этот разговор.

– Я, напротив, думаю, – сказал я, глядя на нее, – что вы видите меня насквозь.

Мы дошли до станции и должны были встроиться в очередь пассажиров. Между намивтиснулся один, потом другой, я видел, как в суматохе уплывает красный шарф. На перроне я догнал ее у самых дверей поезда. Пока мы ехали, я, стоя совсем рядом с ней, пытался удержать взглядом ее лицо: оно было то таким, то этаким, но по большому счету я различал лишь белую, блестящую кожу; возможно, она была отнюдь не юна, но ее черты, ее скулы свидетельствовали о здоровой и сильной натуре.

– Я уже опаздываю, – сказала она, выходя из метро.

– Мне нужно сказать вам еще кое-что. Уверяю, это очень важно.

– Прошу, оставьте меня в покое.

Все утро мне не удавалось спокойно поработать. Ко мне прислали двоих посетителей, которым требовалась копия утерянного документа. Их поведение меня взбесило. Неловкие, робкие, они разговаривали со мной как с большим начальством, я был с ними груб, все катилось под откос. Когда они отбыли, я набрал номер дома. С какой стати? Чтобы унять нетерпение, потому что смог бы успокоиться, поговорив с сестрой? Но мне ответил кто-то другой; услышав этот голос, я подумал: консьержка, – хотя знал, что это моя мать. Осторожно положив трубку, я вышел. Зайдя в кабинет Ихе, поскольку пришлось его дожидаться, я пересмотрел всю шеренгу постаментов, на которых возвышались изваянные в добротном старомодном стиле головы исторических деятелей. Я восхищался ими, но не без неловкости: по памяти они виделись мне совершенно иными, не такими торжественными, даже не столь обездвиженными – скорее настоящими живыми личностями; эти же преисполнились замогильной степенности.

– Если честно, почему вы держите у себя в кабинете все эти бюсты?

Ихе в свою очередь с интересом оглядел изваяния, гобелены, расписной плафон, все помещение, потом его взгляд угас.

– Я пришел извиниться за те несколько недель, что меня не было. Я еще не полностью вошел в прежнюю колею. Но зато временное отсутствие открыло мне глаза на многие ускользавшие до сих пор детали.

Хотя он был моим начальником, я мог его разглядывать, всматриваться в его упитанное лицо, безусое, почти безволосое, молодое и все же потасканное. Я говорил с ним как равный с равным: иерархия не влияла на смысл моих слов, мы изъяснялись на одном и том же языке.

– Во время болезни я размышлял на самые разные темы. И заметил, что у меня нет четкого представления о нашем времени. Это явилось своего рода откровением, я ничего не узнал, но для меня открылась важность того, что я утомлен жизнью. Вплоть до самого последнего времени люди оставались всего лишь фрагментами и проецировали свои мечты на небо. Вот почему все прошлое представало длинной чередой ловушек, схваток. Но теперь-то человек существует. Вот что мне открылось.

– Ну-ну, мой дорогой, – произнес Ихе с каким-то присвистом.

Я улыбнулся.

– Скажу вам честно. Пока я болел, меня мучило, что я не работаю. Я особенно страдал от этого, поскольку не чувствовал себя по-настоящему больным. Бездействие казалось мне непереносимым. Я хотел сделать что-нибудь полезное, но мне был категорически предписан покой. Я понимаю, что, наверное, временами вел себя не как принято. Случалось, вооружившись метлой, подметал коридоры или бросался в палату, потому что слышал, как кто-то из больных звонит в колокольчик. Эти выходки навлекли на меня неприязнь медсестры. Но все же, если я вызывал мелкие скандалы и вел себя так, словно от горячки потерял рассудок, за моим поведением стояли вполне праведные устремления, ощущение, что работа – основа существования, что ты не существуешь, пока живешь в мире, где, работая, себя унижаешь или уничтожаешь.

– Что с вами? – сказал Ихе. – Это уже философия какая-то!

– Я, заметьте, знаю, что это избитые идеи.

Я увидел, как он взял чистый лист и, подняв брови, словно наугад начал набрасывать что-то карандашом.

– Раньше, – продолжал я, хотя мне и хотелось бы на этом остановиться, – я не очень-то любил канцелярскую работу. Прошу прощения, но я ее не любил. Быть может, она оставляла слишком много пустого времени или сама бюрократия... короче, я питал ко всему этому отвращение. Но замечал, что даже и на этом месте приношу пользу. Да и вообще, что значит работать? Это не только сидеть у себя в кабинете, сделать запись в реестре, поручить секретарше скопировать выписку. Я полагаю, что – в этом-то и состоит мое открытие, – что бы я ни

делал, моя работа приносит пользу. Когда говорю, когда размышляю, я работаю, это очевидно. Все понимают это. Но даже если я рассматриваю... неважно что, этот кабинет, эти бюсты, – да, я все еще работаю, на свой лад: вот человек, и он видит вещи так, как их и должно видеть, он существует – и вместе с ним существуют все понятия, над которыми мы бьемся на протяжении стольких веков. Я достоверно знаю, что, если я изменюсь или выживу из ума, история рухнет.

– Вы слишком мудрите, – произнес Ихе после секунды молчания.

Из окна мне был виден мост и деревья на набережной. Течение там было быстрое, и баржи, лодки боролись с ним в водоворотах недавнего паводка. На берегу маячили рыбаки. Я подошел к окну. Деревья, дома проступали в нежном освещении. Все было настолько подлинным! Что за безмолвная перспектива! Это была действительно наша и никакая другая река. Значит, я заблуждался? Быть может, мои объяснения бесплодны? Внезапно меня задели слова Ихе: «Вы слишком мудрите».

– Вы правы, не стоит высказываться слишком общим образом.

Но тут я обнаружил, что он подписывает свою корреспонденцию. Стоявшая рядом секретарша переворачивала страницы в папке и следила, как он читает. «Вы незнакомы с моей новой секретаршей: Сюзанна». Она слабо улыбнулась мне. «Эта бедная девушка стала жертвой большого несчастья, ее дом сгорел, она практически все потеряла». Секретарша продолжала улыбаться, ее лицо лучилось, как будто одного упоминания об этой катастрофе было достаточно, чтобы обратить оную в бесконечное благословение.

– Ваш дом сгорел? Огонь не смогли погасить?

– Несчастное стечение обстоятельств, – сказал Ихе, провожая меня до двери. – Знаете, я виделся с вашим отчимом. Если вам понадобится новый отпуск, можете ни о чем не беспокоиться.

Все еще дул ветер, но теперь обжигающий, с юга. Мастерская, в которой работала моя соседка, показалась мне совсем маленькой и к тому же была загромождена самыми разными предметами. Яркий свет заливал стены, с них застывшими улыбками поблескивали бесчисленные портреты. Из кабинки вышла девушка.

– Мне нужны фото для документов, – объяснил я.

Она приподняла занавеску и усадила меня внутри закутка. По окончании процедуры я осмотрел развешанные на стенах портреты, по большей части мужчин, все на одно лицо, – несмотря на разницу в чертах, смелые, открытые и в то же время внушающие доверие лица. Среди них мое внимание привлек отпечаток большого формата. Это была она: пышущие здоровьем плечи, лицо слегка запрокинуто с выражением одновременно и простодушным и вызывающим. Я бы никогда не сумел себе ее такой представить. Что меня поразило, так это ее живость, ее здоровый вид, тут она представала как свой собственный идеал: как свой закон, который, впрочем, был от нее неотличим; я был уверен, что вновь обнаружу его у нее на лице, стоит ей повернуться, но при этом он с какими-то странными намерениями оказался выделен на этом кадре в чистом виде. По правде говоря, это была обычная рекламная фотография, но от этого она не становилась менее интересной. Напротив, тот факт, что ее лицо стало доступным, что ее лицо принадлежало публике, подвиг меня на самые разные размышления.

К этому времени мои фотографии были готовы: она прошла по ним кисточкой, обреза, протянула мне. Я едва взглянул. Она вложила их в пакетик, я расплатился.

– Если собираетесь мне что-то сказать, – заявила она враждебным тоном, – так и сделайте, а не ходите вокруг да около.

Я уселся, она с глубоко раздраженным видом осталась стоять рядом с дверью.

– Не знаю, смогу ли я с вами теперь разговаривать. Я вижу вас в новом свете. Вы давно здесь работаете?

– Уже несколько лет.

– Вы здесь простой работник или хозяйка?

– Я здесь за хозяйку.

На краю прилавка цвели пышные цветы, наводившие на мысль не о сельской местности, а об оранжерее, пленительной роскоши городов. Мастерская казалась очень современной. Я пребывал в глубочайшем раздрае. Мне уже случалось в других обстоятельствах, того не желая, нести невесть что, но, если в тех случаях моими устами говорило нечто более спокойное, более общее, чем я сам, на сей раз за этим слышался пьяный, никчемный и невежественный персонаж. То, что я ей объяснял, было, однако, не лишено смысла. Я внезапно заметил, что к ней приходили в основном из-за официальных бумаг, удостоверений, паспортов и тому подобного. С этой точки зрения наши обязанности были почти одинаковыми, мы сотрудничали друг с другом: благодаря нам отдельные индивиды обретали юридическое существование, оставляли длительный след, становилось известно, что они имеют место; ко всему прочему я хотел показать ей, что в глазах закона мы выполняем аналогичные функции. Все это было не бессвязно – наивно. Но мои слова, должно быть, казались ей запутанными и неуместными, она в удивлении не сводила с меня глаз. Я и сам хотел уже с этим покончить. Если я тем не менее продолжал, то потому, что все лучше постигал ее характер – никакой оригинальности или прозорливости, но взамен нечто большее: сильная, заурядная натура, настоящая девушка нашего времени, которая все знает и отметаёт частные аспекты, стесняющие пережитки. По счастью, зашел клиент, тоже за фотографиями на документы.

– У вас есть архив? – спросил я, когда он ушел.

– Архив? У нас есть фотографии нескольких известных людей.

– Почему бы вам не оставлять отпечаток каждый раз, когда вы делаете фотографию? Вы бы клеивали его в большую книгу, вместе с именем, адресом, какими-то датами, наблюдениями. Получился бы замечательный источник документации. Если бы так поступал каждый из ваших коллег, у нас были бы самые настоящие архивы, почти такие же полные, как в префектуре.

– Но зачем? – спросила она задумчиво. – К чему? Вот именно, этим занимаются другие службы. И чем была бы ценна наша документация?

– Вы бы требовали подтверждающий документ, как делают на почте или в других местах. Возможно, в этих формальностях было бы мало толку. Да, в конечном счете это были бы всего лишь очередные бумаги.

– Вы это и хотели мне сказать?

– Нет, совсем нет. Несколько недель назад я сильно болел. Я живу один. Прошлой ночью я не очень хорошо себя чувствовал, я был перевозбужден, меня почти лихорадило. Предыдущие приступы болезни тоже начинались с жестокой лихорадки. Внезапно я испугался, что снова заболела. И мне пришло в голову... Послушайте, вы, наверно, рассердитесь, но все это из-за моего воскресного визита. Я сообразил, что мы живем совсем рядом друг с другом: достаточно постучать в эту стенку, сказал я себе. Ну так вот, вы разрешите мне постучать, если со мной случится что-то очень серьезное, если, например, я окажусь парализованным или не смогу встать?

– Вы боитесь, что вас разобьет паралич?

– Я боюсь не столько паралича. Я даже не боюсь болеть и быть одному. Конечно, это мучительное положение – обреченно задыхаться ночью без капли воды и тщетно звать, но в этом одиночестве есть и свои преимущества. Короче, такое положение можно стерпеть. Страшусь я совершенно иного. Ночью мне случается почувствовать, что я действительно одинок. Я просыпаюсь и вспоминаю все: семью, товарищей по работе, промелькнувшее где-то лицо; я узнаю свою комнату, снаружи проходит проспект, стоят другие дома, все пребывает на своем месте, повсюду вместе со мной есть кто-то еще, и, однако, мне этого не хватает. В такой момент мне хотелось бы, чтобы кто-то, во плоти и крови, был рядом со мной или в другой комнате и отвечал мне, если я заговорю: да, вот так, чтобы я знал, что говорю и для него. Ну а если ответа нет, если я возвышаю голос, понимая, что говорю в полном одиночестве, меня чуть ли не начи-

нает бить дрожь; и это хуже всего. Это позор, настоящий проступок. У меня такое чувство, будто я совершил преступление, жил вне общего блага. А впрочем, живу ли я? Жизнь идет в другом месте, среди этих тысяч держащихся рядом людей, которые живут вместе, которые слышат и понимают друг друга, которые воплотили закон и свободу. Вы, наверное, и не догадываетесь, какие безумные идеи охватывают меня в такие моменты: бесстыдные, унижительные идеи, я не могу вам их пересказать. Прошлой ночью мне вспомнилась сцена, произошедшая позавчера, которая поначалу меня почти не задела. В метро одна дама закричала: «Держи вора!» – у нее украли бумажник, и виновник, она на него указала, достаточно представительный и хорошо одетый мужчина, держался в нескольких шагах от нее. Он с презрением протестовал, но дама бросилась к нему, запустила руку в карман его пальто и с торжествующим видом извлекла оттуда бумажник. На следующей станции они оба вышли в сопровождении нескольких свидетелей под бурные крики публики; полагаю, все направились в полицейский участок. И вот... ну, это все.

Я посмотрел на нее.

– Вам не кажется странной эта история?

– Нет, – сказала она, поразмыслив, – не вижу в ней ничего такого.

– Ну да, так и есть; и тем не менее этой ночью она показалась мне просто невероятной. Я сказал себе: почему этот человек совершил кражу? Он взял что-то – предположим, что он действительно это сделал, – не имея на это права, это очевидно. Как такое возможно? Несколько минут я пребывал в полной растерянности, я больше ничего не понимал. Меня донимала идея, что если я ошибаюсь в этом пункте, то ошибаюсь во всем. И вдруг забрезжил свет. Я вспомнил, что там не было настоящего прегрешения, человек украл, но все же был человеком; и полиция вполне могла бы бросить его в тюрьму, в этом больше не было настоящего осуждения. Речь шла лишь о симуляции, своего рода игре, чтобы пустить закон в обращение, чтобы напомнить каждому глубину, незыблемость свободы. И там, и здесь это один и тот же человек, поймите: кричать «Держи вора!» не имеет, стало быть, смысла, по крайней мере такого, какой в это вкладывают, а означает просто – мы обладаем истиной, миром, правом, и вот этот человек крадет не потому, что пребывает вне правосудия, а потому, что государство нуждается в его примере и что время от времени нужно открывать скобку, через которую устремляется история, прошлое.

Она повернулась и посмотрела на маленькие электрические часы, было около полудня. Я спросил ее, не перекусит ли она со мной где-нибудь поблизости, прежде чем вернуться в мастерскую. В этот час площадь была оживленна и шумна. Медленно проезжали автомобили. На тротуаре ждали прохожие, ничего не говоря, покорно смиряясь с неизбежностью правил. Когда я увидел, как она сидит рядом со мной, собирается поглощать ту же пищу, что и я, совершать те же жесты, разглядывать тех же людей, я был ошарашен. Это было нечто большее, нежели удивление. Я всегда предчувствовал то, что здесь происходило; я знал, что мы живем все вместе, отражаемся друг в друге, но с ней это совместное существование становилось головокругительной и неистовой достоверностью. Во-первых, у меня было доказательство этому, я мог с ней говорить: то, что я изрекал, вполне соответствовало, стало быть, общему мнению, той газетной мудрости, которая подчас проходила у меня перед глазами как рассказ из каких-то других времен. Но к тому же подоспело и совершенно иное впечатление. Обычно все вокруг диктовало мне чувство, что закон пребывает в непрестанном движении, что он бесконечно переходит от одного к другому, проникая повсюду своим равномерным, прозрачным и абсолютным светом, освещая каждого и каждый предмет всегда отличным и тем не менее тождественным образом, – и, чувствуя это, я то был восхищен и упоен, то спрашивал себя, не мертв ли я уже. Но ныне, то есть теперь, когда я смотрел на ее руку, довольно красивую руку с ухоженными ногтями, большую и сильную, под стать ей самой, я не мог представить, что эта рука подобна моей, как не мог и поверить в ее единственность и неповторимость. Смущало то, что

если взять ее, коснуться ее определенным образом, да, если бы мне удалось коснуться этой плоти, этой кожи, этой влажной пухлости, вместе с ней я коснулся бы и закона, который там пребывал, это было очевидно, который, быть может, помедлит тогда здесь таинственным образом, задержавшись для меня на какое-то время в отрыве от мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.